

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202

Научная статья

## Новая общественно-политическая фразеология в русском языке: тенденции развития

Т.В. Леонтьева , А.В. Щетинина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
Екатеринбург, Россия

[t.v.leontieva@urfu.ru](mailto:t.v.leontieva@urfu.ru)

**Аннотация.** Представлены результаты наблюдений над устойчивыми выражениями, ограниченными общественно-политической тематикой, извлеченными из современных публицистических текстов. Актуальность изучения новой фразеологии, появляющейся и функционирующей в текстах средств массовой информации, обусловлена необходимостью осмысления трансформаций социума и изменения общественно-политических реалий. Цель исследования – охарактеризовать выражения, появившиеся в сфере институциональных отношений, номинирующие властные отношения и явления конфликтной коммуникации, как новые фразеологизмы политической сферы. Вводится в научный оборот новый материал: большая часть исследуемой фразеологии сравнительно недавно появилась в русском языке и не зафиксирована в словарях, поэтому методом сплошной выборки извлекалась из текстов СМИ и Национального корпуса русского языка. С целью определения модели фразеологической номинации применялся метод компонентного анализа, а для формулировки значения – метод контекстного анализа и реконструкции на его основе значения устойчивого выражения. Проанализированы фразеологические единицы, называющие общественные акции, общественные акторы, формы коммуникации. Сделан вывод о том, что появление и функционирование проанализированных фразеологизмов в речи обусловлено тем, что говорящий или пишущий решает какую-либо прагматическую задачу. В общественно-политической среде его намерение особенно часто происходит из необходимости подобрать эффективные речевые средства для выполнения коммуникативных задач рекрутирования (по этому принципу разрабатываются названия общественных акций для вовлечения большего количества участников), ранжирования (для этого годятся фразеогруппы с градуированием понятий одного ряда) и хеджирования (непрямое обозначение позволяет снизить конфликтность коммуникации).

**Ключевые слова:** неология, фразеологизм, идиоматика конфликта, романтизация общественных конфликтов, фразеогруппа, хеджирование, русский язык

**История статьи:** поступила в редакцию 04.12.2021; принята к печати 15.01.2022.

**Благодарности:** Исследование выполнено в УрФУ за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс».

**Для цитирования:** Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Новая общественно-политическая фразеология в русском языке: тенденции развития // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 186–202. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202>

## Введение

Во второй половине XX в. в полемике о статусе фразеологии высказывалась точка зрения, что «фразеологизм в языковой системе – побочный материал <...> Фразеологизмы входят в язык, не создавая в языке существенного для языка явления» (Никитин, 1968: 68). Однако за прошедшее с тех пор пятидесятилетие утвердилось широкое понимание фразеологии, которое позволяет включать в ее состав не только метафорические выражения, но и сочетания, не обладающие образностью, а их немало среди журналистских клише и вообще публицистической фразеологии, которая будет предметом нашего внимания в данной статье.

Считается, что во фразеологическом фонде русского литературного языка преобладают разговорные и просторечные единицы, и носители языка, осваивавшие в школе материал соответствующих разделов учебников, склонны думать, что фразеологизмы – дань прошлому, атавизм, архаическое явление, часть народной речи, упуская из внимания новые устойчивые речевые обороты, пополняющие и жаргон, и просторечие, и литературный язык.

Об этом же говорит Н.А. Завьялова, отмечая, что идиоматика «нередко помещается на периферию современного лингвистического знания, ее принято соотносить скорее с прошлым, нежели с современной повседневностью» (Завьялова, 2013: 62), и возражает: «Напротив, на наш взгляд, фразеология используется для описания острейших фрагментов повседневности, маркирует болевые точки современного социума» (Там же).

Язык СМИ ясно демонстрирует тенденцию метафоризации языка за счет введения в речь устойчивых сочетаний, характеризующих общественно-политические феномены. Такие языковые единицы всегда обеспечивали стандартизованность языка журналистской сферы, о чем свидетельствует и множество научных трудов, посвященных осмыслению единиц этого языка (ср. анализ сочетаний *свобода слова, свобода выбора, политика открытых дверей* (Юсупова, 2017: 90–91) и др.).

Фразеологический фонд русского языка аккумулирует оценочные смыслы, в том числе репрезентирующие отношения человека и государства. В начале XXI в. активно создаются устойчивые выражения с институциональной семантикой, называющие явления, процессы, события, связанные с конфликтом. Фразеологизмы фиксируют закрепившиеся, обладающие устойчивостью в лингвокультуре ментальные единицы.

Новая фразеология постоянно находится в центре внимания лингвистов. В «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»<sup>1</sup>, подготовленном

---

<sup>1</sup> Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемьшева, Ю.С. Ридецкая / отв. ред. М.Н. Приемьшева. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

санкт-петербургскими исследователями, собрана новая лексика, появившаяся лишь за один год пандемии, в том числе выражения, многие из которых приобрели статус фразеологизмов. К ним относятся в первую очередь выражения с институциональной семантикой (*вакцинная гонка, вакцинная дипломатия* и др.), поскольку они называют известные явления и активно тиражируются в текстах СМИ.

Лингвисты, выявляя и описывая новые фразеологизмы, отмечают: «Процесс перехода свободного сочетания слов во фразему сокращается, что дает исследователю возможность наблюдения за фразеологизацией в режиме реального времени» (Чурилина, 2020: 132). А.В. Жуков в докладе, посвященном потенциальности фразеологических единиц, говорит о недостаточной изученности данного вопроса (Жуков, 2018: 372), что свидетельствует об актуальности явления, к анализу которого активно обращаются специалисты (Вальтер, 2011; Генералова, 2021; Гусельникова, 2011; Григоренко, 2018; Елисеева, 2000; Зыкова, 2015; Мельник, 2019; Мокиенко, 2002; Свиридова, 2013; Шипицина, 2010 и др.). Лингвисты фиксируют группы неофразем, сложившиеся в разных сферах: в интернет-коммуникации, где сформировался компьютерный подязык (Бузарова, Сасина, 2006; Еремина, 2012 и др.); в здравоохранении в период пандемии коронавируса (Новые слова..., 2020; Чернова и др., 2021), в образовании (Заварзина, 2016) и др. При этом исследователями отмечаются сходные процессы в разных языках (Благоева, 2005; Гасек, 2019; Дружиловска, 2015; Шулежкова, 2019; Blagoeva et al., 2018; Cáceres-Lorenzo, 2021; Gregor, Tomášková, 2017 и др.).

Сегодняшний день характеризуется существенным обновлением фразеологического фонда языка СМИ, что обусловлено трансформацией социума и изменениями общественно-политических реалий, свободой публичного выражения мнений и повышением градуса конфликтности в коммуникации, поэтому далее в статье предметом рассмотрения станут устойчивые выражения, номинирующие властные и общественно-политические реалии. В центре внимания будут различия в номинативной плотности тех или иных участков общественно-политической фразеологии. Новизна исследования заключается в решении важной научной проблемы изучения моделей образования новых фразеологизмов и определения их статуса в современном языке.

**Цель исследования** – охарактеризовать выражения, появившиеся в сфере институциональных отношений, называющие явления конфликтной коммуникации, как новые фразеологизмы политической сферы.

### Методы и материалы

Методы исследования обусловлены спецификой материала – устойчивыми выражениями, появившимися в русском языке преимущественно в XX в., активно функционирующими в СМИ, называющими политические реалии конфликтных отношений. Большая часть исследуемой фразеологии сравнительно недавно появилась в русском языке и, соответственно, не зафиксирована в словарях, поэтому методом сплошной выборки извлекалась из текстов СМИ, а также способом поискового запроса из текстов Национального

корпуса русского языка<sup>2</sup> и других источников. Для оценки устойчивого характера выражения использовался квалиметрический метод, который позволял подтвердить повторяемость словосочетания в определенном значении и таким образом выявить его воспроизводимость в речи. С целью определения модели фразеологической номинации применялся метод компонентного анализа, а для формулировки значения – метод контекстного анализа и реконструкции на его основе значения устойчивого выражения. Таким образом, были описаны новые фразеологические единицы, большая часть которых не зафиксирована словарями и ждет своего описания в лексикографических источниках.

## Результаты

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что неофразеология создается и укореняется в языке под влиянием внутренней логики его развития. Об этом свидетельствует системность создания устойчивых выражений, их эвфемистический потенциал.

Результаты исследования подтвердили также предположение о прагматической функции новых фразеологизмов в языке социально-политических отношений. Более того, механизм создания ряда выражений, в частности названий протестных выступлений, свидетельствует о манипулятивном потенциале идиом, которые используются для романтизации конфликта, нивелирования тех негативных явлений, которые сопровождают протестные выступления. Таким образом, с помощью внедрения новой фразеологии решается ряд коммуникативных задач (вовлечения, ранжирования и хеджирования).

## Обсуждение

### **Фразеология на службе политехнологий: вовлечение в общественные акции**

Ярче всего среди фразеогрупп нового периода представлена конфликтная идиоматика.

Сравним языковые обороты разных лет, называющие выступления общности против власти или выдвинутых ею реформ, инициатив. *Соляной, медный, чумной, холерный, картофельный...* – эти прилагательные характеризуют известные в истории России XVII–XIX вв. бунты в зависимости от того, что являлось причиной протеста населения против власти. Так номинации протестов, созданные на основе метонимического переноса значения, указывали на то, в связи с чем произошли эти события.

Затем, что интересно, существительное *бунт* преимущественно заменилось словом *революция*. *Поющая, оранжевая, шафрановая...* – революции конца XX – начала XXI вв., названия которых созданы по иному типу номинации, поэтому, не владея информацией об атрибутике этих событий (пение народных песен во время шествий, оранжевые флаги, такого же цвета повязки на одежде протестующих, одежда желто-оранжевого (шафранового) цвета буддистских монахов как лидеров протеста), трудно определить, с чем

---

<sup>2</sup> Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения : 10.11.2021).

они связаны. Если в бытовавших до начала XX в. названиях исторических бунтов преобладала прагматичность характеристики, выраженная идеей соотносительности с предметом несогласия, то в названии современных протестов явственна романтизация события, носящего отнюдь не романтический характер. В основе новых идиоматических выражений лежит оксюморон, так как в составе конструкции, обозначающей общественное столкновение и актуализирующей семантику вражды, присутствует прилагательное, значение которого вне «конфликтного» контекста вызывает обычно положительные ассоциации, сравним: «... люди с цветущим сердцем и *поющей душой*»<sup>3</sup>; «Когда-то Арканов с Гориным и Певзнером делали для „Рэро“ программу и вместе написали прекрасную „*Оранжевую песню*“, которую пела молодая Ирма Сохадзе: *оранжевая мама, оранжевый папа... оранжево поют*»<sup>4</sup>; «*Шафрановый оттенок излучает свет и теплоту, с какими оттенками его можно сочетать на работах, как считаете?*»<sup>5</sup> В то же время в значении лексемы *революция* «коренное изменение социально-политического строя, которое в отличие от реформирования и социальной эволюции характеризуется резким разрывом с предшествующей традицией, обычно насильственным преобразованием общественных и государственных институтов, а также совокупность событий, результатом которых являются такие изменения»<sup>6</sup> выделяются семы, репрезентирующие действия, направленные на конфликт: ‘резкий разрыв’, ‘насильственное преобразование’, семы противопоставления ‘в отличие от реформирования и социальной эволюции’. Семантика вражды «нивелируется» сочетанием существительного *революция* с прилагательными, у которых ни в значении, ни в сочетаемости с другими словами чаще всего связи с конфликтом, враждебностью не наблюдается.

В ряду новых фразеологизмов можно выделить несколько моделей номинации протестных политических событий на основе переноса значения с ключевым компонентом *революция/бунт/марш*. Рассмотрим далее примеры, часть из которых уже описана в «Идеографическом словаре социальной лексики»<sup>7</sup>, а для новых номинаций составим дефиниции.

**Метонимическая модель** предполагает перенос значения на основе смежности понятий, фигурирующих в понятийном комплексе фразеологизма и выраженных лексемами, составляющими устойчивый оборот. При этом существительное (*бунт, революция, марш*) выступает постоянным компо-

<sup>3</sup> Алейников В. Тадзимас // Национальный корпус русского языка. URL : [https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i\\_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=поющей+душой](https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=поющей+душой) (дата обращения : 13.11.2021).

<sup>4</sup> Кио И.Э. Иллюзии без иллюзий // Национальный корпус русского языка. URL : [https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i\\_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=Оранжевую+песню](https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=Оранжевую+песню) (дата обращения : 10.11.2021).

<sup>5</sup> Якимова Е. Теория цвета – оттенок Шафран // Школа декупажа и декора. 2021, 7 июля. URL : <https://yadecor.ru/teorija-cveta-ottenok-shafran/> (дата обращения : 10.11.2021).

<sup>6</sup> Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка. М. : Словари XXI века, 2017. С. 1002.

<sup>7</sup> Щетинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018.

нентом, а второй компонент (прилагательное или зависимое существительное в форме косвенного падежа с предлогом) выполняет функцию конкретизатора, и этот переменный элемент в составе фразеологизма маркирует самые различные реалии и соотносимые с ними понятия.

1. Переменную позицию в составе фразеологизма часто замещают обозначения предметов атрибутики и символических аксессуаров: повязок, ленточек на одежде или цвета одежды: *белоленточная революция* («многочисленные массовые политические выступления граждан России, организованные оппозицией в 2011–2013 гг., против результатов выборов в Государственную Думу и выборов президента; одним из символов выступлений была белая лента»<sup>8</sup>); *революция розовых шапок* («массовые акции протеста в США против 45-го президента Дональда Трампа, избранного 20 января 2017 г.; одним из символов выступлений был розовый головной убор»<sup>9</sup>); уже упомянутый выше фразеологизм *оранжевая революция* (символ – оранжевые ленточки). В качестве определения революции может служить указание на одежду как маркер статуса протестующих, групповой идентичности: *революция норковых шуб* (*норковая революция*) («массовые политические выступления в Москве, организованные оппозицией в 2011–2013 гг., из-за участия в них представителей класса богатых людей»<sup>10</sup>), *шафрановая революция* (символ – цвет одежды протестующих буддийских монахов), *джинсовая революция* (*васильковая революция*) (массовые акции протеста в Белоруссии против результатов выборов президента страны в 2006 г.). В отношении последнего примера отметим, что из контекстов сложно определить, названа протестная акция *джинсовой* по сходству цвета джинсов с васильковым (ср. второе (или первое?) название) либо из-за участия мужчин, которые были одеты преимущественно в джинсы. В 2020 г. появилось новое выражение, называющее акции протестов в Минске, которое в СМИ употребляется в нескольких вариантах «*Блестящий марш*»/*блестящий марш*»/«*блестящий*» *женский марш*»/*блестящий марш женской солидарности*. Наиболее часто используется вариант из двух компонентов *блестящий марш* ‘акции протеста оппозиции в Минске против результатов президентских выборов, на который участниц-женщин просили прийти в блестящей, яркой одежде’: «У Комаровского рынка в Минске начался так называемый „блестящий марш“ оппозиции, сообщают очевидцы. <...> „Блестящим“ марш назван по ярким одеждам – организаторы призвали желающих принять участие в шествии придти в яркой блестящей одежде с красочно оформленными плакатами»<sup>11</sup>. В Яндексе это выражение набрало уже 2 млн запросов, в связи с чем, мы полагаем, есть основание его фиксировать как новый фразеологизм.

<sup>8</sup> Щетинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018. С. 701–710.

<sup>9</sup> Щетинина А.В. Лексика гражданского протеста в лингвокреативном сознании // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. Вып. 6. Екатеринбург : Ажур, 2017. С. 179.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> В Минске начался «блестящий марш» оппозиции // РБК. 2020, 19 сентября. URL : <https://www.rbc.ru/politics/19/09/2020/5f6604759a794774a25164c6> (дата обращения : 10.11.2021).

2. Идентификация с социальной группой может быть репрезентирована в новых фразеологизмах номинациями, характеризующими:

– состав участников, например, гендерный: *женский марш* («массовые акции протеста в США против 45-го президента Дональда Трампа, избранного 20 января 2017 г.»<sup>12</sup>); национальный: *русский марш* «протестные шествия и митинги представителей русских националистических организаций и движений в различных городах России и стран СНГ, приуроченные ко Дню народного единства 4 ноября»<sup>13</sup>); идейный: *марш несогласных* (то же, что *марш миллионов*, см. дальше);

– количество участников (гиперболизированное): *марш миллионов* («акция протеста, организованная оппозицией 6 мая 2012 г. в Москве, против инаугурации Владимира Путина»<sup>14</sup>).

3. Перенос значения по смежности может осуществляться на основании включения в устойчивое выражение фитонимов, поскольку цветочные образы, помимо отсылки к атрибутике проведенной акции протеста, приносят семантику красоты и хрупкости, корреспондирующую с целенаправленно продвигаемыми идеями «прекрасного», которое составляет оппозицию «дурному, безобразному», и «живого», якобы противостоящего «бездушию власти»: *революция роз/розовая революция* – «мирные массовые акции протеста в Грузии в ноябре 2003 г., основным мотивом которых стала предполагаемая фальсификация на парламентских выборах 2 ноября 2003 г.; на одной из демонстраций участники шли с розами в руках»<sup>15</sup>; *тюльпановая революция* – «массовые акции протеста в марте 2005 г. в Киргизии, которые привели к революции и свержению президента республики»<sup>16</sup>, *жасминовая революция* – «массовые акции протеста в Тунисе в январе 2011 г., в результате которых произошла смена власти»<sup>17</sup>, *революция кедров* – «мирные массовые акции протеста в 2005 г. в Ливане за вывод сирийских войск с его территории».

4. Замещающий компонент в метонимической модели идиомы может называть место протестных действий. Так, идиомы *арабская весна* и *арабская зима* обозначают политические протесты в арабских странах – это «волна антиправительственных народных выступлений, начавшихся в арабском мире в 2010 г., следствием которых стали перевороты, гражданские войны, гражданские восстания, массовые протесты в странах Ближнего Востока»<sup>18</sup>. Другой фразеологизм *болотная революция* соотносится с российской политической действительностью, замещающий компонент обозначает одну из локаций, с которой связаны события – это «многократные массовые политические акции протеста в России, проходившие с декабря 2011 г. до марта 2012 г., про-

<sup>12</sup> Шchetинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018. С. 703.

<sup>13</sup> Там же. С. 708.

<sup>14</sup> Шchetинина А.В. Лексика гражданского протеста в лингвокреативном сознании // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. Вып. 6. Екатеринбург : Ажур, 2017. С. 180.

<sup>15</sup> Там же. С. 179.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Там же. С. 180.

тив результатов выборов в Государственную Думу и президентских выборов; одним из основных мест проведения была Болотная площадь»<sup>19</sup>.

5. Время проведения протестной акции в переносном значении представлено во фразеологизме *снежная революция*, где компонент *снежная* указывает на зимний период – «массовые политические выступления граждан России, организованные оппозицией зимой в 2011–2012 гг., против результатов выборов в Государственную Думу»<sup>20</sup>.

Временные маркеры могут появляться и в качестве опорного слова в устойчивом обороте, указывая на длительность и этапность протестного события: *арабская весна* и *арабская зима*. Заметим, что эта группа идиом имеет потенциал к расширению на основании вариативности субстантивного компонента (*зима, весна, осень* и т. д.) при общем повторяющемся дескрипторе (*арабская*). Приведем несколько примеров из СМИ и научной литературы: «„*Арабская весна*“ перешла в „*арабское лето*“ и продолжится жаркой осенью. Муаммар Каддафи, видимо, какое-то время еще продержится против авиации НАТО»<sup>21</sup>; «*Арабская зима*. Однако за десятилетие эйфорию сменило разочарование. Вместо веры в собственные силы и надежды на перемены к лучшему жители затронутых „весной“ стран получили рост нестабильности, экстремизма и терроризма...»<sup>22</sup> и др. Более того, данные выражения используются и в научной литературе: «Глава 4. Ненастная „*Арабская осень*“: Йемен в 2014–2015 гг. 1. *Арабская весна* в Йемене: от революции к революции (2011–2014 гг.)»<sup>23</sup>. Обратим внимание, что в примере из научного текста выражения оформляются по-разному: «*арабская осень*» – кавычками, а *Арабская весна* уже без них, хотя, по нашим наблюдениям, в научных текстах чаще используется первый вариант оформления.

6. В составе устойчивого выражения, созданного на основе метонимического переноса, может присутствовать указание на инструмент организации протеста, в частности технологическую платформу, использованную для осуществления коммуникации – чтобы руководить действиями участников акции: *твиттерная революция* (варианты: *Твиттер-революция/Twitter-революция*) – это «акция протеста, организуемая и регулируемая с использованием социальной сети Twitter как инструмента информирования участников»<sup>24</sup>. Ср. также отсылку к привлечению техники; например, во время протестов в Белграде в 2000 г. один из участников протаранил на бульдозере ограду телецентра, в результате чего переворот, который привел к смене власти, получил название *бульдозерная революция*: «*Патовая ситуация спрово-*

<sup>19</sup> Щетинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018. С. 702.

<sup>20</sup> Там же. С. 708–709.

<sup>21</sup> Арабское лето // Новая газета. 2011, 17 июля. URL : <https://novayagazeta.ru/articles/2011/07/17/44618-arabskoe-letto> (дата обращения : 10.11.2021).

<sup>22</sup> Шварцман В. Буря в пустынях // Lenta.ru. 2020, 17 декабря. URL : [https://lenta.ru/articles/2020/12/17/tenyear\\_spring/](https://lenta.ru/articles/2020/12/17/tenyear_spring/) (дата обращения : 12.11.2021).

<sup>23</sup> Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Кортаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М. : Московская редакция издательства «Учитель», 2016. С. 102.

<sup>24</sup> Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург : Ажур, 2021. С. 343.



цировала массовые беспорядки в Белграде. Они вошли в историю как „бульдозерная революция“ и привели к свержению Милошевича...»<sup>25</sup>.

7. Форма выражения протеста, избранная организаторами акции, лежит в основе устойчивого выражения *поющая революция* ‘протестные акции, проходившие в 1987–1991 гг. в прибалтийских республиках, направленные на выход из состава СССР Эстонии, Латвии и Литвы и установление их государственной независимости’. Серия протестов началась на певческом фестивале и впоследствии одной из форм мирной части протестов стало пение народных песен: «В июне 1988 г. в Таллине прошла так называемая *поющая революция* – на певческом фестивале распространялись значки с изображением бело-сине-черного флага Эстонии»<sup>26</sup>.

8. Показательно, что номинации протестного движения создаются с привлечением идеологических инструментов: оппозиция делает ставку на ценностные категории, на идею, которая должна служить центром притяжения для людей, маркером групповой мировоззренческой идентичности. Так, *революция достоинства (Евромайдан)* – «массовая акция протеста на Украине против действующей власти, начавшаяся в 2013 г. в ответ на приостановку украинским правительством подготовки к подписанию соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом, переросшая из мирного протеста в борьбу за смену режима силовыми методами»<sup>27</sup> – устойчивое выражение, репрезентирующее призыв к евроинтеграции через конструируемую референцию с одной из этических ценностей – достоинством. Апелляцию к высшей ценности – жизни (*марш за жизнь/марш за нашу жизнь*) – встречаем в вариациях названий социально-политических акций, состоявшихся в разных странах и организованных против различных видов угрозы жизни человека: абортов (*марш за жизнь*), продажи оружия (*марш за нашу жизнь*): «Десятки тысяч американцев приехали со всей страны в Вашингтон на ежегодный „Марш за жизнь“ – главное мероприятие противников абортов»<sup>28</sup>; «Помимо десятков тысяч французов к Маршу за жизнь присоединились несколько про-лайф групп из Нидерландов, Испании, Германии, Италии и Португалии»<sup>29</sup>; «Сотни тысяч жителей США прибыли в Вашингтон для участия в масштабной акции „Марш за нашу жизнь“. Школьники, их родители, учителя, активисты общественных организаций и обычные американцы потребуют от Конгресса США скорейшего принятия законов, уже-

<sup>25</sup> Окунев Д. 20 лет назад в Югославии пал режим Милошевича // Газета.Ru. 2020, 7 октября. URL : [https://www.gazeta.ru/science/2020/10/07\\_a\\_13284217.shtml](https://www.gazeta.ru/science/2020/10/07_a_13284217.shtml) (дата обращения : 13.11.2021).

<sup>26</sup> Даты // Огонек. 2010, 8 февраля. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/1311437?query=В%20июне%201988%20года%20в%20Таллине%20прошла%20так%20называемая%20поющая%20революция> (дата обращения : 13.11.2021).

<sup>27</sup> Щетинина А.В. Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018. С. 706.

<sup>28</sup> «За жизнь, за Трампа» : тысячи американцев вышли на марш против абортов // РИА Новости. 2020, 25 января. URL : <https://ria.ru/20200125/1563853729.html> (дата обращения : 10.11.2021).

<sup>29</sup> Несмотря на сильный ливень, 40 тысяч в Париже приняли участие в Марше за жизнь // Седмица.ru. 2018, 23 января. URL : <https://sedmitza.ru/text/7819745.html> (дата обращения : 12.11.2021).

сточающих контроль оборота огнестрельного оружия в стране, а в идеале и вовсе запрещающих его продажу»<sup>30</sup> и др.

**Метафорическая модель** основана на переносе значения, в основе которого находится сходство понятий, входящих в понятийный комплекс идиомы и выраженных лексемами, составляющими устойчивый оборот. Данная модель номинации менее продуктивна. Она воплотилась в нескольких выражениях, среди которых фразеологизм *цветная революция* (мн. *цветные революции*). В речевой практике идиома является гиперонимом по отношению ко все типам новых фразеологизмов, в составе которых есть слово *революция* (см. выше: *жасминовая революция*, *поющая революция* и др.), не случайно активно используется множественное число: «„Бульдозерная революция“ в Югославии, в результате которой был свергнут Слободан Милошевич, произошла более 16 лет назад. Она дала старт целой цепи аналогичных событий на территории бывшего СССР, получивших название „цветные революции“: „революция роз“ в Грузии, „оранжевая революция“ на Украине, „тюльпановая“ в Киргизии...»<sup>31</sup>.

Выражение *бархатный терроризм* – «ненасильственное запугивание или устрашение для достижения каких-либо (чаще – политических) целей»<sup>32</sup> – создано, вероятно, по аналогии с давно существующим фразеологизмом *бархатная революция* – «гражданское мирное восстание в Чехословакии в ноябре-декабре 1989 г., которое привело к отстранению от власти коммунистической партии и демонтажу социалистического режима»<sup>33</sup>. В номинации актуализировано сравнение мирных методов борьбы и мягкой ткани, которое в результате закрепления в речевой практике легло позже в основу второго и третьего значений фразеологизма *бархатная революция*, не зафиксированных пока словарями:

– ‘любой протест против официальной государственной власти с использованием мирных методов борьбы’: «Тогда в Белграде случилась **бархатная революция**, Милошевич потерял власть и скоро оказался в Гааге, где началось его умирание под присмотром гаагских врачей и судей»<sup>34</sup>; «„**Бархатная революция**“ началась в Армении весной 2018 г. с акции Паши-няна „Мой шаг“»<sup>35</sup>;

<sup>30</sup> «Марш за нашу жизнь» собрал сотни тысяч американцев // Вести. 2018, 24 марта. URL : <https://www.vesti.ru/article/1425241> (дата обращения : 12.11.2021).

<sup>31</sup> *Перевозкина М.* Откровения участника сербского «Майдана»: «Запад хотел разделить православных славян» // Московский комсомолец. 2017, 6 февраля. URL : <https://www.mk.ru/politics/2017/02/06/otkroveniya-uchastnika-serbskogo-maydana-zapad-khotel-razdelit-pravoslavnykh-slavyan.html> (дата обращения : 14.11.2021).

<sup>32</sup> *Щетинина А.В.* Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика. Екатеринбург : Ажур, 2018. С. 663.

<sup>33</sup> *Щетинина А.В.* Лексика гражданского протеста в лингвокреативном сознании // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. Вып. 6. Екатеринбург : Ажур, 2017. С. 180.

<sup>34</sup> *Проханов А.* 15 лет после казни // Известия. 2014, 23 марта. URL : <https://iz.ru/news/567970> (дата обращения : 10.11.2021).

<sup>35</sup> Пашинян рассказал об источниках финансирования революции // Lenta.ru. 2019, 13 мая. URL : <https://lenta.ru/news/2019/05/13/pashinyan/> (дата обращения : 10.11.2021).

– ‘любой протест без использования насильственных методов’: *«И „бархатная» революция“ в МХАТе не состоялась. Но при активном участии М.П. Прудкина и М.М. Янишина произошел переворот... „Старики“ собрались на квартире у Янишина и сговорились позвать О.Н. Ефремова править МХАТом»*<sup>36</sup>; *«Бархатная революция. 15 лет назад Алан Темпльтон прославился в палеоантропологических кругах своей серьезной атакой на предложенную незадолго до того теорию „митохондриальной Евы“»*<sup>37</sup> и др.

В ходе исследования новой фразеологии, называющей конфликтные политические события, установлено, что наиболее распространенной моделью номинации современных форм протестной деятельности можно назвать метонимический перенос значения, где главное слово (*революция/бунт/марш*) выражает значение ‘форма социально-политического протеста’, а зависимое слово романтизирует конфликтное событие (*поющая, жасминовая, тюльпановая, оранжевая, достоинства, за жизнь* и др.). Чаще всего, даже в случае так называемых мирных акций, событие сопряжено с насилием (*«В Минске начались задержания участниц „блестящего марша“»*<sup>38</sup>), которое заинтересованными акторами представляется как незначительное, сравним: *«Цель революции (речь идет о поющей революции. – Т.Л., А.Щ.) была достигнута ценой сравнительно малых жертв: погибли четырнадцать защитников вильнюсской телебаши и один сотрудник КГБ в ходе событий 13 января 1991 г. в Вильнюсе, семь человек во время баррикад 1991 г. в Риге, были расстреляны восемь литовских таможенников и полицейских на границе Литвы с Белорусской ССР 31 июля 1991 г. и несколько единичных жертв»*<sup>39</sup>.

#### **Систематико-градационный потенциал «гнезд» фразеологизмов**

Ряды имеют различную плотность, ср. с предшествующей группой, впечатляющей количеством входящих в нее единиц, малочисленный ряд: *первая власть, вторая власть, третья власть, четвертая власть, пятая власть*.

Приведенный ряд идиом, имеющих в своем составе числительные, ясно показывает, что фразеологизмы, образовавшие группу по критерию наличия общего повторяющегося компонента (*власть*), присутствующего в составе всех идиом, могут дополнительно иметь второе основание к системной организации в виде строгой соотнесенности прочих, неповторяющихся компонентов в их составе. В данном случае это набор количественных числитель-

<sup>36</sup> Давыдов В. Театр моей мечты // Национальный корпус русского языка. URL : [https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i\\_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=И+«бархатная»+революция+в+МХАТе+не+состоялась](https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=И+«бархатная»+революция+в+МХАТе+не+состоялась) (дата обращения : 10.11.2021).

<sup>37</sup> Бухбиндер А. Бархатная революция // Национальный корпус русского языка. URL : [https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i\\_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=Алан+Темпльтон+](https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=Алан+Темпльтон+) (дата обращения : 13.11.2021).

<sup>38</sup> В Минске начались задержания участниц «блестящего марша» // Взгляд. 2020, 19 сентября. URL : <https://vz.ru/news/2020/9/19/1061302.html> (дата обращения : 13.11.2021).

<sup>39</sup> Поющая революция // Википедия. 2010, 9 января. URL : [https://ru.wikipedia.org/wiki/Поющая\\_революция](https://ru.wikipedia.org/wiki/Поющая_революция) (дата обращения : 10.11.2021).

ных. Иначе говоря, единицы этой группы скреплены сразу двумя факторами: общностью субстантивного компонента *власть* и строгостью числового ряда.

Любопытно, что первые три возможных единицы ряда в речевой практике встречаются редко, то есть невозможно признать за сочетаниями *\*первая власть*, *\*вторая власть*, *\*третья власть* статус реально функционирующих устойчивых сочетаний, так как нет достаточного количества подтверждений их употребительности, несмотря на то, что у говорящего или пишущего, который апеллирует, как правило, к наиболее «стабильной» единице из этой системы языковых знаков (*четвертая власть*), есть понимание того, какие общественные структуры подразумеваются. Обратим внимание, что в приведенном далее примере описывается вся «линейка властей», но фразеологизм употребляется только один: «*Литература не может претендовать на первые четыре властные позиции. Народными депутатами (законодательная власть) были С. Аверинцев, Е. Евтушенко, В. Астафьев – последствия неоцутимы. В исполнительной власти потрудились А. Приставкин, Е. Сидоров – плетью обуха не перешибли. В судебной писателю вовсе не место, он по природе своей не обвинитель, а защитник – частное и желательное честное лицо. Четвертая власть (СМИ) с писателями не церемонится*»<sup>40</sup>.

Пристально нужно взглянуть и на выражение *пятая власть*, которое в словаре «Новых слов и значений» фиксируется как «*публ. о коррумпированных и мафиозных структурах*»<sup>41</sup>. В то же время этому выражению в речевой практике приписываются различные значения: «*блогосфера*», «*мир идей*» и др. («*Но есть высшая власть, с моей точки зрения, это власть идей (есть даже такое понятие как идеократия). Эта власть называется пятой*»<sup>42</sup>). Фразеологизм *пятая власть* интересен как раз тем, что он представляет собой потенциальный член подразумеваемого ряда, основанного на числовой последовательности, и при всей своей «потенциальности», которая обычно означает нереализованность, он функционирует в речи. Семантическая мощь категорий числа и счета имеет достаточный потенциал для появления уникального феномена: выражение *пятая власть* бытует прежде всего как «опустошенная языковая форма», которая постоянно ждет своего наполнения и совершенно безболезненно для себя и перспективы своего существования временно предоставляет свой «ресурс формы» в пользование носителям языка, желающим предложить свою версию в обсуждении управляющих начал и влиятельных игроков общественно-политической сферы. Примеры показывают, что говорящий может полагать под *пятой властью* церковь, идею, литературу и т. д.: «*Видимо, и желтая „четвертая власть“, и сусальная казенная религиозность (статья „пятой властью“ было бы ужасно прежде всего для самой Церкви!)*»<sup>43</sup>; «*... Четвертая власть (СМИ) с писателями не*

<sup>40</sup> Новикова О., Новиков В. Пятая власть // Известия. 2005, 13 октября. URL : <https://iz.ru/news/307156> (дата обращения : 10.11.2021).

<sup>41</sup> Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. Т. 1 / отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. С. 321.

<sup>42</sup> Рогожин В. Пятая власть – концептуальная власть // Четвертая власть. 2011, 26 апреля. URL : <https://www.4vsar.ru/articles/pyt-rossii/15308.html> (дата обращения : 14.11.2021).

<sup>43</sup> Соколянский А. Подлец? Кто подлец? // Национальный корпус русского языка. URL : <https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysent>

*церемонится: старательно доказывает, что литература была, а теперь ее нет. Мы-то протестуем, но захватывать „Останкино“ не отправимся. Не удастся. И не литературный прием. Нужна **пятая власть**, хоть телега современной жизни вроде и так катится без пятого колеса. Куда – вот вопрос»<sup>44</sup>.*

Кроме того, любой ряд может спорадически пополняться другими фразеологическими единицами за счет окказиональных элементов (иногда авторских), например, ср. применительно к комментируемому материалу оборот *шестая власть* в книге Валерия Аграновского: «*А **шестая власть** (вы совершенно правы) – коррупция*»<sup>45</sup>. Очевидно, что такие фиксации единичны и имеют совсем другой языковой «вес» (статус), несравнимый с устойчивым положением двух других номинаций.

Заметим, что количество номинативных реализаций обусловлено не столько возможностями языка, сколько умножением реалий, для которых потребовались названия.

### **Эвфемистический потенциал фразеологизмов, представляющих язык публичной дипломатии**

Еще одна особенность фразеологизмов, давно оцененная лингвистами, предопределена, с одной стороны, их эвфемистическим потенциалом, с другой – проницаемостью публицистики, ее открытостью к чуждым, иноприродным, иностилистическим элементам. В тексты СМИ все чаще проникают научные термины и номинации, специфичные для официально-делового языка. Так, среди клише, составляющих журналистский языковой стандарт, получает все большее развитие кластер фразеологизмов, смыкающийся с языком публичной дипломатии. В этом случае на первый план выходит функция хеджирования. Эта особенность фразеологии коррелирует с ориентированностью политики и дипломатии на ослабление конфликтности коммуникации. Приведем в качестве примера выражение, к которому нередко прибегают в своих заявлениях официальные лица: *адекватный ответ* ‘реакция официальных государственных органов на политическое давление со стороны других участников политической, как правило международной, коммуникации; ответные меры давления, принуждающие к прерыванию попыток давления’: «*Президент Польши подписал закон „о сносе“ советских памятников, Госдума пообещала „адекватный ответ“*»<sup>46</sup>; «*Как сообщил Пшидач, в связи с решением Белоруссии „о высылке очередных двух польских дипломатов“*»

size=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i\_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=пятой+властью (дата обращения : 10.11.2021).

<sup>44</sup> Новикова О., Новиков В. Пятая власть // Известия. 2005, 13 октября. URL : <https://iz.ru/news/307156> (дата обращения : 10.11.2021).

<sup>45</sup> Аграновский В. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике // Национальный корпус русского языка. URL : [https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i\\_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=шестая+власть+](https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=шестая+власть+) (дата обращения : 10.11.2021).

<sup>46</sup> Президент Польши подписал закон «о сносе» советских памятников // Настоящее время. 2017, 17 июля. URL : <https://www.currenttime.tv/a/28621114.html> (дата обращения : 10.11.2021).

Варшава „оставляет за собой право **адекватного ответа**“ Минску»<sup>47</sup>; «Недружественные шаги австралийских правящих кругов не останутся без **адекватного ответа** с нашей стороны»<sup>48</sup>.

Невозможно представить, чтобы *адекватным ответом* была названа поддержка, оказываемая в качестве благодарности за чью-либо благосклонность, хотя, в сущности, это тоже ответ, притом тоже адекватный (‘соответствующий чему-либо’), однако анализируемое нами нейтральное выражение применяется исключительно к ситуации конфликта, о чем свидетельствует близкая сочетаемость, маркирующая предшествующие акту номинации действия другой коммуницирующей стороны как агрессивные и несправедливые: *адекватный ответ на игнорирование/на эскалацию репрессий/на усиление военной активности/на размещение танков/на конфронтационную политику*.

### Заключение

Новая фразеология, изменяющаяся под влиянием экстралингвистических факторов, между тем сохраняет и развивает тенденции, обусловленные внутренней логикой развития языка:

– язык средств массовой информации пополняется фразеологизмами особого качества, а именно такими устойчивыми выражениями, которые обладают эвфемистическим потенциалом;

– идиомы образуют множества, внутри которых можно наблюдать своего рода интегративные механизмы, позволяющие взглянуть на эти группы как системно организованные;

– обзревая пространство современной общественно-политической идиоматики, можно констатировать пополнение отдельных тематических групп, в частности фонда обозначений общественно-политических акций;

– фразеологические выражения обладают манипулятивным потенциалом, который успешно используется как инструмент политтехнологий; с целью романтизации протестных событий, которые могут привести к трагедии как непосредственно в процессе мероприятия (смерть, увечье участников и пр.), так и в дальнейшей перспективе (военные действия, экономический спад в стране и др.), используются названия на основе переноса значения по смежности и сходству с понятиями, которые вызывают позитивные ассоциации.

Появление и функционирование проанализированных фразеологизмов в речи обусловлены тем, что говорящий или пишущий решает какую-либо прагматическую задачу. В общественно-политической среде его намерение особенно часто происходит из необходимости подобрать эффективные речевые средства для выполнения коммуникативных задач рекрутирования (по этому принципу разрабатываются названия общественных акций для вовлечения большего количества участников), ранжирования (для этого годятся фразеогруппы с градуированием понятий одного ряда) и хеджирования (непрямое обозначение позволяет снизить конфликтность коммуникации).

<sup>47</sup> Варшава заявила о праве на «адекватный ответ» Минску // [ryb.ru](https://ryb.ru). 2021, 12 марта. URL : <https://ryb.ru/2021/03/12/1745348> (дата обращения : 11.11.2021).

<sup>48</sup> МИД пообещал «адекватный ответ» на санкции Австралии // РБК. 2021, 31 марта. URL : <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/60649e869a794720b63874f5> (дата обращения : 11.11.2021).

### Список литературы

- Благоева Д.* Синонимия в компьютерном жаргоне русского и болгарского языков // Электронно списание LiterNet. 2005. № 1 (62). URL : [https://litenet.bg/publish13/d\\_blagoeva/sinonimija.htm](https://litenet.bg/publish13/d_blagoeva/sinonimija.htm) (дата обращения : 22.10.2021).
- Бузарова Е.А., Сасина С.А.* Метафоризация профессиональных фразеологизмов как особый случай вторичной номинации (на примерах английского и русского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 3. С. 176–178.
- Вальтер Х.* Лексические и фразеологические неологизмы : общее и различное // Мир русского слова. 2011. № 2. С. 14–19.
- Гасек Б.* Несколько замечаний о мнимых фразеологических эквивалентах (на материале современного русского и польского языков) // Поволжский педагогический вестник. 2019. Т. 7. № 2 (23). С. 13–19.
- Генералова Е.В.* По барабану : лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложно-падежных сочетаний // Вопросы лексикографии. 2021. № 19. С. 32–51. <https://doi.org/10.17223/22274200/19/2>
- Григоренко О.В.* Неофраземы в современном политическом медиадискурсе // Известия Воронежского государственного педагогического института. 2018. № 2 (279). С. 151–155.
- Гусельникова О.В.* Новые тенденции во фразеологии // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5. С. 297–299.
- Дружиловска Д.М.* Некоторые характеристики языковых метафор во фразеологии делового общения на материале русского и польского языков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3 (19). С. 98–105.
- Елисеева О.В.* Механизмы фразеологизации словосочетаний в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 23 с.
- Еремينا Н.К.* Лексика и фразеология компьютерного подъязыка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2012. 26 с.
- Жуков А.В.* О потенциальности фразеологических единиц // Пушкинские чтения – 2018. Художественные стратегии классической и новой словесности : жанр, автор, текст : материалы XXIII Международной научной конференции. СПб. : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2018. С. 371–380.
- Заварзина В.А.* Новая лексика и фразеология в тематической подсистеме «российское образование» // Вестник науки и творчества. 2016. № 5 (5). С. 162–167.
- Завьялова Н.А.* Идиомы и политика : седая старина или острейшие вопросы повседневности? // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 62–71.
- Зыкова И.В.* Разновидность процесса фразеологизации с позиций лингвокультурологического подхода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 22 (733). С. 79–91.
- Мельник Ю.А.* Актуальные неологические процессы в русском языке новейшего времени (по материалам социолингвистических интернет-проектов) // Нефилология. 2019. Т. 5. № 17. С. 62–71. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71>
- Мокиенко В.М.* Проблемы европейской фразеологической неологии // Słowo. Tekst. Czas: Mat. VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej. Szczecin, 2002. S. 63–79.
- Никитин В.М.* Проблема классификации фразеологизмов и их относительная устойчивость и варьирование // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы межвузовского симпозиума. Тула : Тул. гос. пед. ин-т, 1968. С. 68–76.

- Новые слова и словари новых слов. 2020 : сборник научных статей / отв. ред. Н.В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. 220 с. <https://doi.org/10.30842/9785604483862>
- Свиридова А.В. Некоторые аспекты развития фразеологической науки // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 7. С. 207–213.
- Чернова О.Е., Осипова А.А., Позднякова Н.В. «Мир никогда не будет прежним» : актуальные фразеологизмы в период пандемии коронавируса // Научный диалог. 2021. № 5. С. 140–153. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-140-153>
- Чурилина Л.Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 126–135. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-3-96-11>
- Штицица Г.М. Фразеологизация свободных словосочетаний в русском языке XXI века // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 236–239.
- Шулежкова С.Г. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания // Научный диалог. 2019. № 9. С. 173–189. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-9-173-189>
- Щетинина А.В. Лексика гражданского протеста в лингвокреативном сознании // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. Вып. 6. Екатеринбург : Ажур, 2017. С. 172–182.
- Юсупова С.М. Ценность свободы во фразеологии // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. 2017. № 2. С. 86–93.
- Blagoeva D., Sosnovski V., Kolkovska S. Phraseological innovations in Bulgarian and Polish languages // Balkanistic Forum. 2018. No. 3. Pp. 9–20.
- Cáceres-Lorenzo M.-T. Herencia medieval y neologismo en el léxico cromático de textos historiográficos en el siglo de Oro según el Corpus diacrónico del español // Neophilologus. 2021. No. 105 (4). Pp. 521–538.
- Gregor J., Tomášková E. Socio-political reality of Western countries in the mirror of Russian media : new lexis and phraseology // Slavica Slovaca. 2017. No. 52 (1). Pp. 27–34.

### Сведения об авторах:

Леонтьева Татьяна Валерьевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой языков массовых коммуникаций, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. Автор более 100 публикаций, член диссертационных советов. *Сфера научных интересов*: лексическая семантика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, диалектная лексика, дискурс, социоллингвистика, идеография, лексикография, социальная лексика русского языка. ORCID: 0000-0002-7213-1582. E-mail: t.v.leontieva@urfu.ru

Щетинина Анна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языков массовых коммуникаций, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. *Сфера научных интересов*: лексическая семантика, когнитивная лингвистика, идеография, лексикография, социальная лексика русского языка, преподавание русского языка как неродного и иностранного. ORCID: 0000-0002-9085-8697. E-mail: anna-73.schetinina@yandex.ru



## New Russian socio-political phraseology: development trends

Tatayna V. Leontyeva  , Anna V. Shchetinina 

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,  
Yekaterinburg, Russia*

 t.v.leontieva@urfu.ru

**Abstract.** The results of observations on stable expressions limited to socio-political topics, extracted from modern publicist texts, are presented. The relevance of studying the new phraseology that appears and functions in media texts is due to the need to comprehend the society transformations and changes in socio-political realities. The purpose of the research is to characterize expressions in institutional relations, nominating power relations, and the phenomena of conflict communication as new phraseological units of the political sphere. The article introduces the new material: most of the studied phraseology have appeared relatively recently in the Russian language, is not recorded in dictionaries and was extracted from media texts and the National Corpus of the Russian language. In order to determine the model of phraseological nomination, the authors used the method of component analysis, and in order to formulate the meaning – the method of context analysis and reconstruction of the set expression meaning. Phraseological units that call public actions, social actors, forms of communication were analyzed. It is concluded that the emergence and functioning of the analyzed phraseological units in speech are due to the fact that the speaker or writer solves some pragmatic problem. In the socio-political environment, his intention especially often stems from the need to select effective speech means for performing the communicative tasks of recruiting (according to this principle, the names of public actions are developed to involve a larger number of participants), ranking (phraseological groups with grading concepts of the same row are used) and hedging (indirect nomination reduces the communication conflict).

**Keywords:** neology, phraseological unit, the idioms of the conflict, romanticizing of social conflicts, phraseogroup, hedging, the Russian language

**Article history:** received 04.12.2021; accepted 15.01.2022.

**Acknowledgments:** The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse.”

**For citation:** Leontyeva, T.V., & Shchetinina, A.V. (2022). New Russian socio-political phraseology: Development trends. *Russian Language Studies*, 20(2), 186–202. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202>